

Александр Маскаев

Сказки кота Күзьмы

Сказки кота Кузьмы

Санкт-Петербург
«БХВ-Петербург»
2013

УДК 82-343.4
ББК 84 + 82.3(2)
М31

Маскаев А. В.

М31 Сказки кота Кузьмы. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 56 с.: ил.
ISBN 978-5-9775-0892-6

Художник Александр Маскаев героем всех своих картин, книжных иллюстраций и сказок выбрал домашнего любимца рыжего кота Кузьму — доброго шалуна, который вечно попадает в забавные истории.

Для дошкольного и младшего школьного возраста

УДК 82-343.4
ББК 84 + 82.3(2)

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Художник-иллюстратор	<i>Александр Маскаев</i>
Редактор	<i>Елена Кондрахина</i>
Корректоры	<i>Наталья Першакова, Зинаида Дмитриева</i>
Компьютерная верстка и дизайн обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 28.02.13.

Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,88

Тираж 3000 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-9775-0892-6

© Маскаев А. В., 2013

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2013

Жил да был кот

В каком царстве и в каком государстве — неведомо, жил-был и просто гулял сам по себе рыжий кот Кузьма. Был он доброго и весёлого характера, а лукавство и хитрость достались ему от деда его Василия, который теперь всё чаще лежит на тёплой печи и слушает истории Кузьмы, добродушно улыбаясь в пордевшие усы. Друзей-приятелей у Кузьмы много по всему белому свету, от заснеженного и морозного Севера до жаркого и солнечного Юга. И где бы он ни был, случаются с ним чудеса. Так, по крайней мере, он сам и говорит. Не сидится ему на месте. Приключения и сказки, которые он так любит, зовут его и в дальние края, и в родные стороны, ведь там с бабушкой Ягой можно попить малинового чаю, с водяным сварить ухи из окуньков, а с лешим побродить по невиданным тропинкам в лесной чаще и посплетничать с кикиморой про жизнь её болотную... Да мало ли чего ещё приключится! Кузьма и сам не прочь побаловать нас сказками, и мы, глядя в отражение огоньков от печи в его глазах, слушаем и верим каждому его слову.

Сказ о том, как Кузьма Тимофеевич завёл настоящую дружбу с мышами

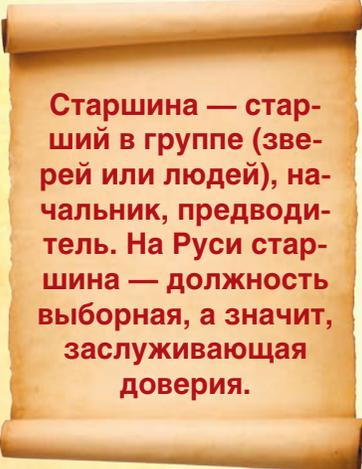
В избе было натоплено. Разомлевший Кузьма лежал на печи и со скукой в глазах смотрел на одинокую муху, бьющуюся об оконное стекло.

— Эх... тоска! — промурлыкал он и спрыгнул с лежанки. Увидев приоткрытую дверь в чулан, он направился туда в надежде чем-нибудь разжиться да как-то скоротать время. В темноте Кузьма разглядел на стенах полки, берёзовые веники, две кадки в углу, старые валенки и много прочего, чему он, Кузьма, названия не знал. На противоположной стене от кадок он увидел слабую полоску света, пробивающуюся из-под пола. «Ага! Это уже интересно», — подумал Кузя, пристраивая глаз к отверстию. Он увидел маленькую лестницу, спускающуюся в подпол, услышал похожий на писк, негромкий, но весёлый разговор.

Рассматривать одним глазом было тяжело, но он старался, — уж больно интересная сцена перед ним возникла. На крохотной тумбочке стояла свечка, освещающая прибранную и уютную комнатку-нору. За столом сидели трое чудно одетых и оживлённо разговаривающих мышей.

Кузьма напряг слух и услышал, как один из них рассказывал остальным про свою удачную рыбалку. «Наверное, привирает, как любой рыбак», — подумал кот, внимательно разглядывая маленькое жилище. «Да, хорошо живёт мышиный народец, всё-то у них по уму и на своём месте...», — восхитился он.

Кузьма не стал прерывать оживлённый разговор, сел в тёмном углу чулана и, глядя на маленькую лужицу, вытекшую из кадки, подумал: «Надо бы мне задружиться с мышами, найти их **старшину** и заключить мировую. Всё-таки жизнь станет

Старшина — старший в группе (зверей или людей), начальник, предводитель. На Руси старшина — должность выборная, а значит, заслуживающая доверия.

повеселее. Объясню им, что не охочусь за ними и не буду. Мне только и надо, чтоб порядок в доме был — иначе выгонят метлой из избы. Да и кто их будет кроме меня охранять от деда моего Василия? Дед хоть и старый кот, но до охоты у него и глаз востёр, да и коготки...» С этими мыслями Кузьма вышел из чулана и побежал во двор, — в его кошачьей жизни, унылой и невзрачной до этого, появился новый смысл и интерес. Не обращая внимания на заносчивого петуха, он направился к погребу в надежде на то, что именно там и живёт мышиный старшина...

Сказ о том, как Кузьма Тимофеевич встретился с Шуклей

Кузьма спускался по ступенькам в тёмный погреб: чем ниже, тем темнее становилось впереди, но его глаза стали постепенно привыкать. Как же ему найти мышиноного старшину? Не кричать же в погребе?! Да и имени старшины он не знает... Эти грустные его мысли прервал едва слышный шорох и еле заметное движение.

На железной **печке-буржуйке** спокойно сидел и поглядывал на Кузьму анчутка со странным именем **Шукля**. Шукля был совсем малого роста, лыс головой, но зато с большими чёрными усами. С печки свисали его кривенькие ножки, обутые в маленькие лапоточки. Кузя давно знал Шуклю, но они не были особо дружны, особенно после того случая, когда анчутка умыкнул у Кузи пескарей.

— Ищешь чего? — спросил Шукля. — По глазам вижу.

— Да не чего, а кого! — ответил Кузьма. — Мышиного старшину мне бы повидать.

— Тогда тебе Жўла нужна, — буркнул Шукля, слезая с печки. — Пойдём, покажу что ли...

Они двинулись в дальний угол погреба и, показывая пальцем в темноту, анчутка сказал:

— Вторая полка снизу, третья банка с огурцами справа. Отодвинь банку в сторону, увидишь шнурок — дёргай, а там уж я не знаю как — захотят тебя видеть или нет...

Кузьма хотел было отблагодарить Шуклю, но того и след простыл, только под потолком блеснули два уголька его глаз.

«Буржуйка» — так называют металлическую печь, которую и сейчас иногда можно встретить в дачных домиках. Почему её окрестили именно буржуйкой до конца неясно, но многие считают — за «прожорливость», так как она требовала больше топлива, чем обычная крестьянская печь.

Имя Шўкля, скорее всего, означает «искатель». В украинском языке «шука-ти» значит «искать». Что ж! Хорошее имя для домового, который обязан помогать хозяевам отыскивать потерянные вещи.

Запрыгнув на полку и кое-как отодвинув банку с огурцами, Кузьма и в самом деле увидел тоненький шнурок, свисавший из отверстия в стене. Кузя дёрнул, но не сильно.

За стеной послышался несильный звук колокольчика. Под потолком, прямо над Кузьмой, раздался тонкий скрип — Кузьма увидел, как отворилась маленькая дверка, и оттуда в полумрак погреба заструился мягкий жёлтый свет.

— Ты почто Жулу беспокоишь? — спросила вылезшая голова старого мыша с седыми усами.

— Мне бы... это... поговорить, — промурчал Кузьма.

— Жди, — деловито сказала мышинная голова и исчезла.

Вместо неё появилась и распустилась до самого низа верёвочная лестница, по которой тут же очень проворно сбежала мышь в красном сарафанчике и зелёных тапочках. Это была обычная мышь средних размеров, только в сарафане. Она смотрела на Кузьму строгими глазками, усики вокруг её носа подрагивали.

— Слышала я от братьев своих рыбачков, за которыми ты подглядывал тут намеренно, что не зловредный ты, не как твой дед. Неужто мировую пришёл заключать? — почти басом пискнула Жула, достав при этом из кармашка семечку и тут же расшелушив её маленькими лапками. Тут Кузьма и рассказал ей как на духу всё, что на душе наболело: что тоска ему жить без друзей, что за мышами он не охотится и что рад будет помогать им во всём и играть вместе с ними, когда дел не будет вовсе. Жула выслушала его, догрызла семечку и сказала:

— Добро, пусть так и будет, коли ты не врёшь. Хорошо будет нам вместе.

Для заключения обряда мировой она предложила Кузьме искупаться и кликнула кого-то.

Словно из ниоткуда появились мыши в клеёнчатых передниках, притащили щётку, мыло и ковш воды. Кузьма, глядя на

это, обречённо вздохнул. Он понял, что Жула придумала это как испытание — ведь он терпеть не мог воды. «И... эх, — подумал Кузьма, — обряд так обряд!» И собрав всё своё мужество, улёгся на полу около буржуйки, зажмурившись и готовясь совершить подвиг во имя дружбы.

Сказ о том, как Кузьма Тимофеевич повстречал водяного, лешего и банника

После братания с мышами Кузя просыхал на крыше избы, стряхивая с себя последние капли ненавистной ему воды. Тут из-под куска кровельной **дранки** вылез мыш-рыбачок и, недоверчиво поглядывая на Кузьму, сказал:

Дранка — деревянная пластина, материал. Им выкладывают крыши домов.

— Мир так мир, дружба так дружба! Мы тут с братьями завтра поутру на рыбалку собрались. Может, и ты с нами? Сам наловишь, — это тебе не у хозяина клянчить.

— Да я и не ловил никогда, но если поможете — так пойду, — с радостной надеждой в голосе муркнул Кузя.

— Хорошо, — сказал мыш, — мы за тобой зайдём ранёшенько, ещё и солнце не встанет. Так что ложись пораньше спать.

Мышь прошуршал дранкой и исчез. «Неужели моя жизнь изменится, — зажмурился от удовольствия Кузя. — Что ж я раньше-то не додумался?» И вспомнил, как дед его наставлял, что хищник, который под стать уссурийскому тигру, должен быть страшен и суров. Но Кузьма до этого если и был страшен, то только тоской своей.

На следующее утро проснулся он от того, что кто-то дёргает его осторожно за усы. Открыл глаза Кузьма и увидел мыш-рыбачка, который стоял на его груди и держал в своих лапках его ус.

— Пора! — сказал мыш, улыбаясь. — Собирайся. Мы будем ждать тебя около старого колодца.

Кузьма наспех попил молочка, стараясь не скрипеть дверями, выбежал из избы и направился к колодцу. Солнце ещё не встало, но его лучики уже выбивались из-за кроны деревьев.

Около колодца его ждали трое. Два мыша по-деловому держали жестяную банку с червями, а третий — удочки, намотанные на ореховые прутики. Тот, что с удочками, махнул Кузьме рукой и сказал:

— Давай поторопимся, а то зорьку прозеваем — в это же время самый клёв!

Мыши так проворно и шустро припустили по тропинке, что Кузя еле успевал за ними. Забежав в лес, Кузьма ощутил шерстью прохладу: от росы было ещё сыро. Мыши иногда пропадали из виду в высокой траве и под лопухами. Впереди между деревьями засветилась речная гладь, и он прибавил шагу...

На берегу Кузьма перевёл дух и огляделся. «Какая же красота!» — подумал он. На противоположном берегу стояла маленькая водяная мельница, её огромное колесо со слабым скрипом медленно крутилось. За мельницей простирался лес, огромные дубы на границе которого подпирали своими кронами небо с уже гаснущими звёздами. Мыши уже сидели на мостках, доходивших до середины речки, и разматывали свои снасти. Один из них, смущаясь, сказал Кузьме:

— Мы удилище для тебя не вырезали — тебе же большое надобно. Ступай в лес и поищи себе орешину... Только не мешкай, солнышко вот-вот выйдет.

Кузя со всей прыти побежал в лес. Забравшись в чащу и повертевшись на месте, он прищурил глаза и стал выбирать себе ореховый пруток. Перебрав несколько веточек, Кузьма услышал потрескивание сучков и шорох листьев. Он оглянулся, но не увидел ровным счётом никого, хотя звуки, похожие на тяжёлые шаги, приближались. Бедный Кузя оторопел, глядя во все глаза. И тут прямо перед ним стала появляться из листвы, веток и травы непонятная большая фигура, напоминавшая дерево. Кузя услышал звук, похожий одновременно на скрип и смех. Фигура стряхнула с себя листья, мох, шумно вздохнула и пре-

вратилась в огромного деда с седой бородой и очень живыми глазами изумрудного цвета. Одет он был в необычный кафтан, который сверху состоял из разноцветных лоскутов, а заканчивался снизу древесной корою, ветками и корнями. На шапке у деда росли грибы и куст земляники. В одной руке он держал посох с затухшей на нём свечой, а на другой руке сидел нахохленный филин с оранжевыми глазами.

«Шёл, нашёл и потерял» — присказка, которую в народе повторяли в лесу, чтобы не попасть под влияние лешего и не заблудиться.

— Иэээх. **Шёл, нашёл и потерял**, — проскрипел, улыбаясь, дед. Кузя хотел было что-нибудь сказать, но от страха у него перехватило дыхание, и он, не зная, что ещё сделать, поклонился деду.

— Ты Кузьма, стало быть. Знаю про тебя — анчутка Шукля рассказывал! На деда ты своего похож, Василия. Мудрёный он у тебя, — дед был благодушен.

— Здравствуй, дедушка, — еле слышно промурчал Кузя.

— Да какой я тебе дедушка! — возмутился неожиданный собеседник. — Леший я! Лесовик, лешак, лесной дядя, лисун — вот, знай, кто я таков. Это кому как нравится, а прозвище у меня — Лопастый.

Кузя извинился и рассказал, что пришёл с мышами рыбки половить, да удилица, мол, нет. Лесной дед одобрительно закивал головой, и при этом с самой макушки его шапки упала шишка. Лопастый взялся помочь и приказал Кузе забраться к нему на спину. В считанные мгновения они оказались вместе на очень красивой опушке леса, по краям которой рос орешник. Лопастый выбрал одну ветку для Кузи и протянул ему, приговаривая:

— Ловись рыбка, большая и малая.

Он улыбнулся, глядя на Кузю, и проскрипел:

— Иэээх, шёл, нашёл и потерял, — и Кузя почувствовал, что сидит уже не на спине у лешего, а на берегу речки около мостков...

«Вот это да! — приходил в себя кот-рыбачок. — И что же я раньше-то в лес не ходил?» Привязав леску к орешине и насадив червячка на крючок, Кузьма с горем пополам закинул удочку. И тут он понял, что не ходил он только потому, что его никто не звал ни в лес, ни на рыбалку. «Какая тоска быть тигром», — подумалось Кузьме.

Солнце уже позолотило макушки деревьев, все трое мышей лукаво поглядывали на Кузю — видно знали, что с ним приключилось. Поднимающееся над деревьями солнце пустило блики по воде, заиграло на осоке и листьях кувшинок. Кузьма зажмурился от такой красоты и почувствовал распирающее его блаженство. У его друзей начался клёв, и они один за другим стали вытягивать мелких пескарей. Пробочный поплавок на удочке Кузьмы даже не шевелился. Старший из мышей сказал Кузе, что на рыбалке важно терпение, что клюнет и у него — новичкам, мол, везёт. Кузьма уже готов был приунуть, но заметил слабые кивки поплавок. Через пару секунд они стали сильнее и чаще, и, когда поплавок и вовсе скрылся под водой, Кузя дрожащими лапами дёрнул за удилище!

То, что случилось потом, он запомнил на всю свою жизнь. Вслед за леской, которую он тянул, из бурлящей воды стала появляться круглая голова. У неё на макушке сидела большая ухмыляющаяся лягушка. Волосы на огромной голове были так перепутаны с водорослями, что лицо Кузя увидел не сразу. Вслед за головой показалось и остальное чудище.

— Водяной!!! — закричали мыши и, побросав удочки, бросились наутёк.

Кузя не побежал, он так и остался на месте с удочкой в руках. Водяной, глядя на него — оцепеневшего и оцетинивше-

гося — захохотал. Смех был похож на журчание и бульканье воды. В разные стороны от него полетели брызги, по воде пошли круги, и Кузя увидел, как вокруг чудища обернулась радуга. Покрытый чешуёй, которая переливалась на солнце, с огромными обвислыми усами, водяной держал крючок Кузиной удочки с червяком.

— Знатный рыбак!.. Хе-хе! — пробулькал водяной и опять захохотал, хлопнув по воде хвостом, похожим на щучий.

Кузя в панике бросил удочку и хотел убежать, но водяной остановил его.

— Да погоди ты — не трону! Добрый я сегодня. Да и повеселил ты меня безмерно, — лучился от удовольствия водяной, — я кликну сейчас подружек своих — водяниц. Пусть чайку нам приготовят с вареньем из пиявок.

«Из пиявок?» — содрогнулся про себя Кузя, но вслух переспрашивать не решился. Водяной, наконец, успокоился. С его головы спрыгнула лягушка и поплыла в сторону камышей. На берегу в траве сидели трясущиеся от страха мыши, восхищённые нечаянной смелостью Кузьмы. Из воды показались водяницы. Они плыли, толкая перед собой большой лист кувшинки, на котором стояли две чашечки и ракушка с вареньем. Чай был темно-зелёного цвета и пахивал тиной, но Кузя из вежливости отхлебнул глоток, а вот от варенья он всё же отказался, сказав, что не ест сладкого. Отхлёбывая чай, водяной стал рассказывать Кузе о секретах рыбалки, о рыбах, которых он пасёт в этой реке, о том, что на сухую погоду у него начинает нить поясница, и как он намерен помочь Лопастому **брédнем** поднять со дна несколько крупных карпов.

Брédень — небольшая рыболовная сеть, невод, которую идущие вброд (брéдущие) люди тянут за собой.

На прощание водяной пальцем дотронулся до Кузино лба, от чего у того в ушах зазвенели колокольчики, широко улыбнулся, а потом бесшумно скрылся под водой. Водяницы, громко

смеясь, наперегонки поплыли к старой мельнице и около неё исчезли из вида. Переполненный впечатлениями Кузьма не сразу увидел в своих лапах большой **кукан**, на котором висело с десятков крупных пескарей и пара плотвичек. «Подарок», — с благодарностью подумал Кузьма о водяном, окликнул мышей, взял свою удочку и гордой походкой заспешил по тропинке к дому...

Кукáн — приспособление с петлями для хранения и переноса выловленной рыбы. Рыбки на кукане висят красивой гирляндой, и их можно опустить в воду, не боясь, что какая-нибудь из них уплывёт.

Как же обрадовался дед Василий, когда увидел Кузьму со свеженькой рыбкой, — давненько не видел он столько! Кузьма, довольный тем, что смог уважить старика, отдал ему плотвичек покрупней, а сам разобрался с пескарями. После, когда они лежали с дедом на печи, Кузьма рассказывал Василию о случившемся с ним этим утром. Дед Василий, хоть и напускал на себя суровость, распекал за дружбу с мышами, всё же иногда хитро улыбался в поредевшие седые усы.

— Молодой ты ещё, всё тебе в диковинку, — промурлыкал он, — я-то всякого повидал, что-то и подзабыл уже. С нами-то рядом тоже народцу чудного хватает, да знаешь ты из них только анчутку одного. Ступай вот в баньку вечером, там, глядишь, и свидишься с кем-нибудь. Так ступай, без веника, но хлебца с солью прихвати, пригодится, поди ж, но не тебе. А как зайдёшь в предбанник, скажи: «Баня без пара, что щи без навара!», а там смотри во все глаза.

Последние слова дед Василий промурлыкал уже сквозь сон — от плотвичек и печного тепла разморило его. К вечеру Кузьма и впрямь собрался в баньку заглянуть, но для храбрости решил мышей в компанию позвать — те согласились, недолго думая.

Баня была добротная, пятистенок. Стоять такой не перестоять! Много и большого пара она снесёт, одно слово — добротная банька! Только солнце скрылось за леском — Кузьма толкнул дверь в предбанник и проскользнул, а за ним и мыши.

— Баня без пара, что щи без навара! — как можно громче произнёс Кузьма.

Ка́менка — печь, сложенная из камней.

Но ничего ровным счётом не произошло. Они вместе прошли предбанник и отворили дверцу в парилку. Здесь было тепло, **каменка** ещё не остыла — хозяева парились недавно. Осторожно ступая по влажным половицам, Кузьма подошёл к лавке и положил на неё краюшку ржаного хорошо посоленного хлебца. Через какое-то время из-под лавки появилась не то

Кудёсы — день угощения домового. Здесь кудесы — сами гостинцы, которыми домового угощают.

рука, не то веник без листьев, схватила хлеб и исчезла. Кузьма испуганно отпрянул от лавки и попятился обратно к двери. Из-за большого ушата около каменки послышалось хихиканье, печная дверца слегка отворилась, и оттуда брызнул сноп искр, озарив парилку. От яркого света Кузьма зажмурился и прикрыл лапой глаза. Оглядев снова парилку, он увидел на полках небольшое существо с длинной клокастой бородой, с узкими как щёлка зелёными глазками, с лохматыми ногами и руками. Бородач жевал краюшку хлеба, которую принёс Кузьма. Не зная как правильно себя вести, Кузьма опять произнёс, но уже тише:

Па́ря — ласковое обращение к юноше.

— Баня без пара, что щи без навара...

Тут вдруг загорелся огонь в каменке, а от воды в ушате повалил пар.

— Вот ведь какие **кудесы** ты вытворяешь, **паря!** — воскликнул дедок. — И кто тебя научил только?

Жихарь — дух, обитающий в жилище человека, домовый, банник.

Кузя промолчал, а один из мышей, осмелев, спросил:

— Так, стало быть, ты и есть **Жихарь**? Мы всё знаем про тебя, только вот не доводилось нам свидеться.

— Где уж нам свидеться, вы же баньку мою стороной обходите?! — сверкнул глазами Жихарь и плеснул из ковша воду на раскалённые камни.

Поднялся пар, Кузе стало невмоготу, и он приоткрыл дверь парилки — тут сразу в него полетел пустой ковш, брошенный разозлившимся Жихарем.

— Ты почто дух мой выгоняешь? Сам же сказал «баня без пара, что щи без навара»!

Кузьма, потирая шишку на макушке, сделал виноватый вид.

— Давай без всякой **КОЛГОТНИ** попаримся, — пробубнил нахохлившийся Жихарь и полез в ушат.

Колготня — суета,
беспокойство,
хлопоты.

Мыши залезли на полку и наперебой стали похлёстывать друг друга берёзовыми веничками. Кузя обхаживал веничком Жихаря со всех сторон, тот довольно кряхтел, выпуская периодически изо рта мыльные пузыри. Потом они шумно и весело поливали друг друга водой из ковша, выбрались в предбанник, сели рядом на лавку, и Жихарь, разомлевший и раздобревший, угостил всех своим кваском.

— Удалась банька! — сказал Жихарь, любуясь в маленькое оконце на загорающиеся в уже потемневшем небе первые звёздочки.

Сказ о весёлой мышинной возне

Весь следующий день Кузьма провёл на чердаке. Он решил сделать мышам и их деткам радость. Ведь за то короткое время их дружбы они принесли ему столько новых впечатлений, что он уже думать забыл о своей былой тоске. Он вспомнил, что как-то в их деревню приезжали бродячие артисты и устраивали **балаган**. А ещё у них была маленькая карусель, на которой они катали деревенских детишек. Кузя был тогда ещё котёнком, но он надолго запомнил радостные лица детворы, скакавшей по кругу на крохотных деревянных лошадках. И вот теперь он решил соорудить карусель для мышей.

На чердаке Кузя нашёл старую машинку для очистки кедровых орехов. Он снял с неё верхний потрескавшийся короб, очистил все деревянные шестерни и пристроил к ним ручку от старого граммофона. Верхнюю часть карусели он сделал из крышки от деревянной кадучки. Оставалось самое главное — лошади. «Из чего бы их сделать?» — Кузя стал бродить по чердаку и наткнулся на старый сундук. Он долго перебирал уже давно забытые хозяевами вещи и вдруг увидел потускневшие от времени ёлочные игрушки. Среди стеклянных шишек, бус, картонных блестящих птичек на глаза ему попались фигурки северных оленей, и он понял, что из них выйдут отличные лошади для его карусели! Кузя долго провозился над тем, чтоб олени превратились в лошадок, отламывая острые рога, которые могли поранить катающихся. В конце концов у него получилось, и он прикрепил безобидные фигурки к верхней площадке. Карусель готова! Он взялся за ручку и осторожно попробовал её покрутить. Шестерёнки нехотя поддались и начали раскручивать крышку от кадучки, на которой теперь уже поскакали по кругу

Балаган — шутовские представления. Обычно устраивались на ярмарках и народных гуляниях.

маленькие разноцветные лошадки. Радостный и довольный собой Кузьма побежал созывать мышей. Наконец-то он сможет отплатить им за те удовольствия, которые они ему доставили.

После полуночи на чердаке собрался мышиный народец во главе с Жулой, предвкушающий необычный праздник. При свете лучины их крохотные глазки блестели словно драгоценные самоцветы. Кузьма засомневался, что сможет их всех перекатать на своей карусели, но Жула успокоила его, сказав, что у них вся ночь впереди. Первыми решили катать малышей, каждый из них покупал билетик, а расплачивался разноцветными пуговицами, которые им выдавали старшие мыши.

Кузя усаживал их на лошадок и раскручивал карусель. Поначалу малышам было страшновато, но, пообвыкнув, они так развеселились, что Кузьма еле успевал менять седоков. На ве-

**Востуха — домо-
вой, живущий
за печкой.**

сёлый шум появился крошечный и юркий печной домовой **Востуха** со своей балалайкой. Усевшись поудобней, он заиграл знакомые всем бодрые мелодии, отчего стало ещё веселее. Мыши принялись подпевать Востухе, угощая друг друга принесёнными с собой сладостями. Катание на карусели переросло во всеобщее ликование, и Кузьма опять вспомнил своё детство и бродячих артистов с их балаганом: как он сидел на краю деревенской площади под огромным лопухом и радовался вместе с детьми. Праздник получился, как он и хотел: никто не заметил, как прошла ночь и во дворе запели первые петухи. Жула долго кланялась Кузе в знак благодарности, а малыши повисли на Кузиных лапах и просили ещё и ещё завести его карусель. Но делу время, а потехе час. Жула повела свой народец, который тянулся за ней гуськом, к лазу в чердачном полу. Кузя, улыбаясь, долго смотрел им вслед. Потом он посадил себе на загривок засыпающего уже Востуху, прикрыл рогожкой карусель и пошёл к чердачной лесенке. У хозяев начи-

нался новый день, а Кузьма думал о том, что испытал не меньшую радость, чем его гости.

Сказ о том, как Кузьма Тимофеевич повидал Бабу-Ягу-Ягинишну

Лесной дяденька Лопастый, с которым совсем недавно подружился Кузьма, передвигался по вечернему лесу бесшумно и незаметно. Он был не один — на его плече сидел филин, для которого как раз начиналась пора бодрствования. Лишь лёгкое подрагивание листьев на кустах выдавало его. Шёл Лопастый к заветному уголку в непролазной чаще. Там жила в своей избе его давняя знакомая — Баба-Яга-Ягинишна. К полуночи Лопастый остановился близ опушки леса и увидел избушку, которая переваливалась с ноги на ногу. Из трубы валил дым — значит хозяйка дома. Он окликнул избушку, чтоб она повернулась к нему передом, а к лесу задом. Нехотя, скрипя брёвнами и скидывая солому с крыши, изба повернулась. Тут же отворилась дверь, и на порог выскочила взъерошенная Ягинишна. Лохматая, с длинным сучковатым носом, она весело улыбалась старинному приятелю.

— Ой, Лопастый, не ждала я тебя, неважно выгляжу да и не прибрано у меня, погоди, мальчика сейчас позову, — затараторила Ягинишна и захлопнула за собой дверь.

В избушке послышалась возня, шум, тарарам. Через какое-то время отворилось окно избушки, из него вылетел всклокоченный ворон, а за ним высунулась голова бабушки:

— Заходи, милоч, тебе-то я всегда рада.

В избе пахло дымком, травами и непонятно чем ещё. Леший уселся на единственную табуретку и деловито закурил трубку. Яга, недолго думая, пододвинула к столу свою ступу, присела на неё и сказала:

— Рассказывай, ведь не просто так пришёл.

Лопастый неспешно начал разговор о том, как прошла неделя, что видел и что думал. И признался, что есть теперь у него

новый приятель, кот Кузьма, который, стало быть, внук кота Василия, что хочет он Кузьму к ней, Яге, привести.

— А на что он мне тут? Лясы с ним точить что ли? Так он молод ещё, — удивилась бабушка.

— В том-то и дело, что молод, поучить бы его уму-разуму, ты же самая мудрая у нас, — пробубнил леший.

Бабе-Яге понравились слова лешего о её мудрости, и она, поправив пышную шевелюру, сказала:

— Ну, коли так, то ладно уж! Но не хочу в избе моей его встречать, — давай-ка у тебя!.. У болота, около дуба старого... у тебя же там и самоварчик есть, а травки для чая я принесу. Как сговоришься с Кузей, зашли ко мне филина своего с восточкой — меня долго ждать не будете.

— Хорошо, Яга, так и сделаем. Пойду куда наострю Кузьму! Вот он обрадуется-то... а может и испугается, — усмехнулся Лопастый. Усадил филина на плечо, распахнул дверь, да и был таков, довольный собой. Ведь теперь у него был такой хороший повод почаёвничать с Ягинишной в душевной обстановке! Наедине с ней Лопастый обыкновенно становился от смущения угрюм и даже мрачен, опасаясь острого языка лесной подруги.

К вечеру этого же дня филин разыскал Кузю и на ухо ему нашептал, где и когда его будет ждать леший. Кузя немного струхнул, но потом понял, что бабушка Яга — личность, конечно, легендарная, но ему не столько страшно, сколько интересно с ней познакомиться. «Ещё одно приключение!» — распушил хвост Кузьма.

Солнце завалилось за косогор, и Кузьма с двумя мышами-приятелями направились к опушке леса, где Кузьма в прошлый раз встретился с лесным дяденькой. Их уже ждали. Лопастый в этот раз выглядел иначе — как огромный живой пенёк с руками-сучками. Борода была из корней и веток и топорщилась во все стороны. Но улыбался он, как и прежде, лукаво и весело. Он

подхватил Кузьму и усадил себе на загривок. Филин велел мышам забираться к нему на спину.

— Так мы быстрее доберёмся — дорога-то длинная, — проскрипел леший, и они двинулись.

Долго ли, коротко ли шли они, Кузьма так и не понял, — он слышал только, как ветер свистит в его ушах да мелькают мимо кусты и деревья. Но вот леший сбавил ход, остановился, потом пошёл медленнее, раздвигая руками кусты. Они вышли на крохотную поляну, на краю которой возвышался огромный дуб. Дуб казался живым, в нём кипела своя жизнь. Белки и бурундуки сновали по веткам, птицы разных цветов щебетали всяк на свой манер, огромные листья светились под лучами уже появившейся на чёрном небе луны. Посреди поляны возвышался огромный пенёк, служивший, видимо, столом. На него приземлился филин, и мыши кубарем покатались с его спины. Филин ухнул пару раз, видимо, желая всем доброй ночи, и скрылся в лесной чаще.

— И-эх, шёл, нашёл, потерял, — проскрипел леший, — сейчас и бабушка объявится. Вы пока располагайтесь тут, а я с самоваром похлопочу.

Кузя с мышами уселись вокруг пня, внимательно озираясь по сторонам. Огромная луна, казалось, висела над самой поляной. Вдруг на её фоне друзья увидели маленькую точку, которая очень быстро росла в размерах. Точка в один миг превратилась в Бабу-Ягу-Ягинишну, сидящую в своей ступе с метлой под мышкой. Бесшумно, даже не примяв травы, ступа приземлилась на краю поляны. Держась за поясницу, из ступы вылезла Яга. Стало видно, что она приделалась по такому случаю: лохматые волосы повязаны красной косынкой, на плечи накинута тёмно-вишнёвая шаль с бахромой, пальцы в перстнях, переливающихся всеми цветами радуги. Яга улыбнулась, и у Кузи, и у мышей-дружков отлегло от сердца. Уж больно боялись они появления Яги-Ягинишны.

— Здравствуй, милочек, — обратилась Яга к Кузе, словно он был ещё котёнком, — а это друзья твои? — показала она костлявым пальцем на мышат.

— Здравствуй, бабушка! Одному-то мне страшновато было, а с компанией вроде бы и не так, — сказал Кузьма, прижимая к себе своих друзей.

— Ой, да что там, хоть и невелики друзья твои, а всё же друзья... Ишь как трясутся. Но бояться меня не след, не обижу таких малышей, — сказала бабуля.

Она кликнула лешего и отдала ему вязанку с травами. Тот бросил весь пучок прямо в самовар, потёр руки и счастливо сказал:

— Ну, чаёк будет знатный, от бабушки Яги!

Уже через полчаса вся честная компания сидела вокруг пня и угощалась чаем. Леший высыпал на пенёк пригоршню малины. С дуба прилетели светлячки со своими чашками. Леший угостил и их на радостях. Бабушка Яга рассказывала одну за другой весёлые сказки — остальные слушали и смеялись до слёз. Кузя и подумать раньше не мог, что может быть так душевно и весело в такой компании, о которой ему рассказывали лишь одни страшилки. «Не ходи в лес — леший заберёт», «Не крутись за хвостом — Баба-Яга придёт»... И чего ему только не говорили в детстве! Они выпили целый самовар чая, и выпили бы и ещё один, да стало светать. Стали прощаться как настоящие друзья, обещая заходить друг к другу почаще. Бабуля перед отлётом повесила Кузьме на шею оберег — **клевер-четырёхлистник**.

— Носи, Кузьма, токмо польза тебе от него! Увидишь ещё у кого — знай, от меня подарок.

Клевер — в старославянской мифологии знак клеверного четырёхлистника одевали существам или животным, которые благоволили к человеку.

Она уселась в свою ступу, слегка повела метлой в воздухе, и ступа поднялась, чтобы плавно отнести бабушку Ягу в её укромный уголок в чаще — к избушке на курьих ножках.

— Душевно посидели, — проскрипел напоследок леший, похлопывая по самовару, словно это был его лучший друг.

